

Научный текст и его цельность

МАРИЯ П. КОТЮРОВА
(Пермь)

Функциональная стилистика прежде всего ориентирована на изучение субъектной стороны функционирующего языка. Причём изучение субъектности речи/текста продвигается в стилистике от описания внешнего, самих языковых единиц, к внутреннему, а именно смыслу текста. Вместе с тем смысл текста многомерен и может рассматриваться как в аспекте его „предметности” (если акцент делается на терминосистеме текста – системе научных понятий), так и в аспекте субъектности, проявляющейся в процессе формирования ирреальных объектов самим субъектом познавательной деятельности.

Современная функциональная стилистика пытается проникнуть в сущность речемыслительной деятельности и её продукта речи/текста. В частности, пристальное внимание обращается на текстовые категории. Не останавливаясь на истории этого вопроса, отметим лишь, что текстовые категории, отражающие свойства текста, являются предметом изучения – с разных сторон – в лингвистике текста, психолингвистике, функциональной стилистике. В лингвистической литературе в целом выявлен и описан ряд текстовых категорий, в большинстве своём организованных иерархически. По-видимому, вполне определённое место среди них занимает категория, присущая любому тексту, – категория цельности смысла.

Целью статьи является попытка обосновать наличие этой текстовой категории, показать специфический характер её проявления в научном тексте, рассмотреть принцип формирования отрезков текста, которые наиболее ярко выражают эпистемическую (научно-познавательную) специфику содержания, определить типы выявленных отрезков текста.

Речемыслительная деятельность является предметом смежных со стилистикой наук, прежде всего психологии мышления. Отсюда традиция

опираться на психологические исследования, а также не случаен интерес стилистики к психологии творческого мышления человека, в последние десятилетия интенсивно развивающей учение физиолога И. П. Павлова о понятийно-логическом и образном типах мышления (Павлов 1949). Для стилистики научного текста в этом плане особый интерес представляют исследования В. В. Давыдова о двух типах рационального (понятийно-логического) мышления – эмпирическом и теоретическом (Давыдов 1986). Кроме того, эмпирическое и теоретическое мышление конкретизировано в работе В. С. Гончарова (Гончаров 1981), который выявил два основных вида поиска решения задач – детерминированный и вероятностный и установил статистически достоверную связь между детерминированным поиском и теоретическим типом мышления, между вероятностным поиском и эмпирическим типом мышления. Подчеркнём, что содержанием теоретического мышления признаётся область объективно взаимосвязанных явлений, составляющих целостную систему, а детерминированный поиск характеризуется логической связностью образующих его ходов, выводимостью последующих ходов из предыдущих. Значит, теоретическому типу мышления в большей мере, чем эмпирическому, присущ **логический** компонент познавательной деятельности. Заметим, что логический компонент мышления широко изучается лингвистикой.

Наряду с типологией мышления, в психологии познавательных процессов, как отмечает М. А. Холодная (Холодная 1990, 1992), осуществляются исследования специфики переработки информации, которая в общем виде обозначается как *когнитивный стиль*. При изучении когнитивных стилей исследовательский интерес смещается от содержательных характеристик познавательной активности („что” человек думает) к способам её организации („как” человек думает). Тем самым разрабатываются основания индивидуально-стилевой дифференциации познавательного процесса.

В зарубежной литературе описаны три так называемых стиля познавательной деятельности, среди которых прежде всего определяется рациональный, а затем – эмпирический и метафорический. Естественно, что „рационалист” осуществляет проверку надёжности познавательного образа с точки зрения его логической устойчивости. Таким образом, в общепсихологических исследованиях мышления, а также в психологии познавательного процесса рассматривается один из важнейших типов мышления – понятийно-логический, т.е. рациональный, которому присуща

логическая связь мыслительных ходов. Для рассматриваемого вопроса это имеет особое значение уже потому, что научному мышлению в большей мере, чем мышлению в какой-либо другой сфере деятельности, свойственна именно рациональность. Поэтому в функциональной стилистике считается бесспорным, что с рациональным (теоретическим) мышлением сопряжена порчёркнутая логичность (Кожина 1970) или – в другой терминологии – открытая логичность (Васильева 1976) научного стиля изложения.

Вместе с тем совершенно очевидно, что логичность соотносится лишь с одним аспектом содержания – чисто тематическим. Кроме того, в тексте, как известно, не может быть представлен весь логически связанный процесс мысли. В таком случае, что позволяет квалифицировать и целый текст, и любой его фрагмент как **научный**? На наш взгляд, именно то, что в тексте зафиксировано специфическое содержание – научное знание, синаспектное по своей природе, обусловленное научно-познавательной деятельностью. Оно представляет собой единство онтологической сущности, методологической определённости и аксиологической характеристики (Котюрова 1988), т.е. содержание пронизано авторской рефлексией о предмете мысли. Психолог И. Н. Семёнов (Семёнов 1992) разработал концепцию, раскрывающую роль рефлексии в организации творческого процесса мышления. В результате анализа текстов современных монографий мы пришли к выводу о широком выражении авторской рефлексии относительно самого содержания.

Характерно, что рефлексия формирует одну из основных черт смысла научного текста – его **цельность**. На уровне функциональностилевого абстрагирования цельность¹ можно соотнести с функционально-стилевой характеристикой текста, конкретизируя при этом цельность посредством доминирующей категории (прежде всего категории модальности²): в научном тексте – эпистемической модальности, деловом – модальности долженствования, разговорном – тональности речи³ и т.д. Представляется

1 Это понятие, наиболее активно разрабатываемое в психолингвистике, имеет синонимичные номинации – *цельность* и *целостность*. Мы различаем понятия цельности, трактуемой в функционально-смысловом отношении, и целостности, понимаемой в композиционно-смысловом отношении. Здесь рассматривается первое из них.

2 См. развитие текстоцентрической концепции модальности и описание модализаций как механизмов субъективности языка – базы типологии текстов в кн.: (Баранов 1993).

3 См. вывод Т. В. Матвеевой „о преимущественном значении субъективной, личностной составляющей разговорного диалога”, удерживающей его единство. Главное в диалоге – индивидуальная оценка и волеизъявление по отношению к отображаемому и к собеседнику, что является содержанием „категории тональности” (Матвеева 1994: 132-133).

бесспорным, что доминирующее свойство смысла „разлито” по всему тексту. Однако установлено, что отдельные отрезки текста (за неимением специального обозначения используем эту номинацию) наиболее концентрированно передают познавательную, точнее, эпистемическую, цельность текста. Эти отрезки могут быть рассмотрены в единстве, систематизированы и представлены в качестве текстовой категории **эпистемической цельности**.

Итак, эпистемическая цельность является существенной чертой смысловой структуры научного текста. Выражение этой черты приводит к формированию речевых формул, в чём проявляется стереотипность, или стандартизованность, речи, без чего невозможно эффективное общение. (Кстати, по мнению М. Н. Кожиной, „несмотря на значимость и распространённость этого явления в научных текстах, стандартизация ещё не стала предметом специального исследования... Пожалуй, наиболее актуальными в настоящее время являются вопросы систематизации стереотипных единиц именно как **текстовых образований** и дифференциации на функциональной основе (Разрядка наша – М. К.)” (Кожина 1996: 150). В научных текстах особое значение имеет содержание (его объектная сторона), поэтому можно считать, что цельность научного текста – это внутренняя, сущностная сторона текста, материализованная в его специфическом содержании – научном знании. Опираясь на трактовку научного знания в науковедении, отметим наиболее важные его черты: теоретический и эмпирический характер обоснования гипотетических утверждений, методологическая „оснащённость”, степень достоверности излагаемого знания, полученного из относительного не-знания (в связи с постановкой проблемы, выдвижением гипотезы, аргументацией предлагаемого решения проблемы, в итоге – формированием теории). Именно эти характеристики знания, с одной стороны, вытекающие из специфики научно-познавательной деятельности, а с другой – определяющие стратегию конкретного исследования, позволяют объективировать замысел учёного, а значит, специфицировать цельность того или иного текста.

Содержание научного текста как научное знание целно уже потому, что всегда выступает в единстве онтологической, методологической и аксиологической квалификации, хотя в **отдельном** фрагменте целого текста эпистемическая информация может быть и не эксплицирована специальными средствами. Важно, что в целом произведении с необходимостью передаётся именно научное знание, т.е. информация с её

эпистемическими характеристиками. Для цельности смысла текста не существенна внешняя сторона — полнота/неполнота выражения специальными языковыми или текстовыми средствами, поскольку цельность достигается по существу всей речевой системой текста. (Учитывая фундаментальный для функциональной стилистики характер понятия речевой системности, следует подчеркнуть его значимость при изучении категорий текста⁴, и прежде всего — его цельности. Многочисленные исследования функционирования языка на материале научного, делового, публицистического, художественного стилей речи, выполненные М.Н. Кожиной и её учениками, свидетельствуют о проявлении речевой системности того или иного функционального стиля как в отношении лексико-грамматических единиц и категорий, так и в отношении ряда изученных текстовых категорий. Поэтому вполне можно предположить, что и цельность имеет системно-речевой характер выражения в тексте).

Вместе с тем важно отметить, что эпистемическая цельность обычно актуализируется через понятийное содержание, поскольку методологическая и аксиологическая информация, квалифицируя понятийное содержание, в то же время формирует цельное знание в соответствии с научно-познавательной рамкой исследования. Ясно, что содержание понятия эпистемической цельности многопланово, поскольку соотносится с экстралингвистической основой текста — научным знанием (о сложности научного знания свидетельствует тот факт, что его специфике посвящено особое научное направление — эпистемология).

Как было сказано выше, эпистемическая цельность акцентируется особыми отрезками текста. Эти отрезки можно соотнести с определёнными эпистемическими ситуациями. Чтобы не умножать без необходимости терминов, воспользуемся метонимическим термином *эпистемическая ситуация* для обозначения и семантики отрезка, и его речевого оформления.

Рассмотрим принцип организации речевого отрезка, именуемого эпистемической ситуацией. Такой принцип может быть определён лишь с учётом функционирования терминованного понятия в тексте целого произведения, причём в тексте преимущественно теоретической направленности. Это обусловлено тем, что в процессе построения теории

4 М. М. Кожина подчёркивает необходимость рассмотрения стиля как стилистико-речевой системности с переключением центра тяжести в анализе на **текстовый уровень** (Кожина 1992: 39).

наиболее ярко фиксируется эпистемическая структура развиваемых автором понятий.

На наш взгляд, в этом плане значительный методологический интерес представляет психолингвистическое исследование А. А. Залевской об информационном тезаурусе человека, „формах представленности (репрезентации) знаний в памяти и на организационных принципах, с помощью которых знания упорядочиваются в памяти, что обеспечивает доступ к ним в случаях надобности” (Залевская 1985: 150).

Как известно, говорящий (или слушающий) одновременно учитывает определённый комплекс закреплённой за словом энциклопедической и языковой информации. Этот феномен можно объяснить, применяя к его изучению разные подходы, в частности, голографический принцип хранения и считывания информации (Кольер 1973, Прибрам 1975). Голографическая гипотеза основывается на свойствах голограммы: 1) получаемое изображение трехмерно, его можно наблюдать с трёх сторон; 2) любая часть голограммы позволяет воспроизвести практически всю картину; 3) на одну и ту же голограмму можно записать несколько изображений, а затем воспроизводить их по отдельности. „С позиций нейронной голографии, «высвечивание» отдельных аспектов увязываемой со словом информации не исключает, а неизбежно предполагает в разной степени чёткое «всплывание» релевантных знаний” (Залевская 1985: 164).

Голографическая гипотеза, на наш взгляд, может быть применена, хотя и в модифицированном виде, к интерпретации выражения понятийного содержания в научном тексте. Деятельностная трактовка научного знания как специфического содержания научного текста позволяет увидеть содержание последнего в единстве трёх его аспектов – онтологического, методологического и аксиологического, причём „голограмма” того или иного научного понятия может быть эксплицирована языковыми средствами либо действительно „трехмерно”, как целостное изображение, либо только с одной или двух сторон (другие „вычитываются” из контекста в силу эксплицитно-имплицитного характера любого текста). „Много-слойность” голограммы соотносима с количеством выделяемых признаков предметов, т.е. характером осознания действительности.

Важно подчеркнуть, что семантическая структура научного понятия стабильна, инвариантна, а её смысловые компоненты и средства их выражения, естественно, вариативны, в противном случае невозможно было бы развёртывание (и развитие) понятия (мы имеем в виду не только

тематическое содержание текста, но – в большей степени – именно эпистемическое).

Совершенно естественно, что в тексте целого произведения терминированное понятие отнюдь всегда эксплицировано в **полной**, развёрнутой форме онтологического содержания, методологической определённости и аксиологической ценности. Однако это обстоятельство совершенно не означает того, что в научном тексте термины могут быть использованы как общеупотребительные слова, без эпистемической нагрузки. Другое дело, что эта эпистемическая информация именно в целом тексте может быть выражена экономно, а именно в узловых моментах реконструированной коммуникативно-познавательной деятельности автора.

Рассмотрим пример (подчёркнутым шрифтом выделено тематическое содержание, или онтологический аспект знания, разрядкой – методологический, курсивом – *аксиологический*). Название главы⁵ – „*Некоторые аспекты модели механизма порождения речевого высказывания*”. Здесь представлены все аспекты познавательной эпистемической ситуации, т.е. эксплицирована трёхчленная структура этого смыслового единства. В тексте: „*выяснение закономерности и механизма порождения речевого высказывания, некоторая экспликация* вопроса из текста легко реконструировать: о механизме порождения речи – М. К., *истоки нашей концепции* [модели механизма порождения речевого высказывания – М.К.], увидеть различия её [модели механизма порождения речевого высказывания – М.К.] по отношению к моделям [механизма порождения речевого высказывания – М. К.] других авторов, *вопросы порождения речи, взгляды* в отношении порождения речи, пять последовательных планов [порождения речи – М. К.], в подходе к процессу возникновения и производства речи, три основных уровня порождения речи, разделение смыслового и грамматического компонентов [порождения речи – М. К.].

Как видим, понятие порождение речевого высказывания/речи не изолировано от окружения, контекста, оно входит в состав опорной

5 Совершенно справедливо И. А. Подольская пишет о том, что „однофразовый текст теснее, чем многофразовый, связан с типовым контекстом общения. Фигурируя в изолированном виде, однофразовый текст черпает из контекста предтекст и посттекст, из контекста получает определённый подтекст” (Подольская И. А., *Коммуникативная интенция в однофразовом тексте газетного заголовка „Юманите” и рекламы во французском языке*. „Сборник научных трудов”. Вып. 296. *Функционально-семантические категории текста (романистика)*, Москва 1987, 61).

конструкции (терминосистемы) текста, малоинформативной без сопутствующего эпистемического контекста – как эксплицированного, так и имплицитного, но легко восстанавливаемого. Именно поэтому терминированное понятие в тексте предстаёт перед читателем как понятие объёмное и в содержательном, и в эпистемическом отношении. Экономия выражения не нарушает эпистемической цельности смысла научного текста. Кстати, именно в связи с этим принцип, лежащий в основе формирования содержания **отдельного** понятия, можно интерпретировать также в качестве структурного принципа эпистемической цельности научного **текста**.

В результате анализа материала установлено, что „голографически” трёхмерным – как эксплицированная эпистемическая ситуация – перед читателем предстаёт не любое, но основное, именно концептуальное знание, зафиксированное развёрнутыми номинациями типа *вопрос* (аксиологический аспект) о **сравнительном анализе** (методологический) исторического познания (онтологический аспект). Концептуальное знание организовано прежде всего на основе онтологической, тематической, определённости предмета изучения, кроме того, на основе методологической характеристики этого познаваемого предмета, потенциально включаемой в парадигму методов, способов, приёмов научно-познавательной деятельности, и, наконец, на основе ориентации автора в аксиологической парадигме научного познавательного процесса (относительно движения знания от недостоверного к более достоверному). „Голограмма” понятий в научных текстах может быть представлена в развёрнутой, частично развёрнутой и неразвёрнутой форме.

Под развёрнутой „голограммой” имеется в виду понятие 1) как бы в самом процессе познавательной деятельности, т.е. в деятельном (коммуникативно-познавательном) отношении, – процессе, именно зафиксированном теми или иными речевыми средствами, 2) в эпистемической среде, т.е. в „окружении” эксплицированных методологических и аксиологических характеристик. Полную, развёрнутую „голограмму” понятия можно обнаружить в теоретических текстах с выраженной научно-познавательной рефлексией относительно развиваемого концепта. Иначе говоря, развёрнутая „голограмма” трактуется здесь как понятие в динамике, т.е. в **процессе** познания, выраженном в тексте.

Как установлено Н. В. Данилевской (Данилевская 1992), механизмом развёртывания концептуального содержания текста являются речевые

вариативные повторы. Вариативность таких повторов проявляется и в отношении тематического содержания концептов (синонимия), и в отношении формы выражения (полная или неполная) компонентов вариативных повторов. Важно, что вариативность не нарушает голографического принципа смысловой инвариантности концептуального содержания. Применение этого принципа к интерпретации понятийного содержания научного текста именно в эпистемическом плане, цементирующую роль эпистемической среды (подчеркнём значимость методологического аспекта) тематического содержания, представленного достаточно чёткими, определёнными терминами. Именно эпистемическая цельность содержания текста даёт возможность проецировать те или иные характеристики концепта на тематические составляющие этого концепта. Однако эти характеристики не всегда соответствуют жесткой, схематической тождественности: то или иное частное понятие, входящее в состав концепта, может иметь познавательные свойства, отличающиеся от последнего (например, в одном случае – высокая степень теоретической обоснованности, в другом – наличие лишь эмпирического подтверждения и многие другие варианты несоответствия).

Приведём пример экспликации теоретического концепта в целом тексте (Бондарко 1976). Эпистемическая рамка, заданная автором посредством номинации *теория* в заглавии *Теория морфологических категорий*, формирует совершенно определённую „голограмму” концепта морфологическая категория: разработанная автором модель концепта обоснована и теоретически, и эмпирически, т.е. нижележащими обобщениями, в свою очередь, аргументированными также теоретически и эмпирически (по существу до первых обобщений реального языкового материала). Иными словами, данный концепт имеет обоснованный и аргументированный характер и является вполне достоверным в конкретном контексте. (Другое дело, что в парадигме научного знания любой теории присуща относительность). Вместе с тем при развёртывании этого готового продукта – концептуального понятия – осуществляется реконструкция модели научно-познавательной деятельности автора. Модель включает гипотезу, её аргументацию и вывод. Наполнение этой модели конкретным эпистемическим содержанием и позволило автору (А. В. Бондарко) вынести в заглавие номинацию *теория*.

Продолжим анализ текста. „В этой книге представлен опыт **построения частной теории морфологических категорий**... **Грамматические категории познаются** по их репрезентации в речи. На основании **анализа и**

обобщения этих речевых репрезентаций **делаются выводы гипотетического характера о структуре и функциях грамматических категорий** в той форме их существования, которая приписывается системе языка... (с. 6).

Понятие грамматической категории целесообразно трактовать как родовое по отношению к видовым понятиям морфологической и синтаксической категории... (с. 10). ... **можно предположить, что в структуре морфологических и синтаксических категорий имеются некоторые изоморфные признаки. Дальнейшее изложение имеет характер гипотезы...** (с. 14).

Морфологические категории представляют собой **многопризнаковые величины**. Отсюда вытекает **необходимость** такого подхода к их **классификации**, который был бы основан на учёте этой множественности и разноплановости признаков членения...

По основному характеру содержания **морфологических категорий** они **могут быть разделены на две группы**: 1) **категории с семантической** и 2) **со структурной доминантой...** (с. 41).

Под структурно-синтаксической значимостью мы имеем в виду участие членов морфологической категории в построении структуры предложения... По данному признаку **можно выделить три типа морфологических категорий**: 1) категории, характеризующиеся постоянной синтаксической значимостью... 2) категории с переменной синтаксической значимостью... 3) морфологические категории, не обладающие синтаксической значимостью..." (Бондарко 1976: 64-65).

По приведенным фрагментам текста можно реконструировать (в обобщённом виде, именно как модель) сам процесс получения нового знания. См.: построения теории (*построить теорию*), познаются (*познавать, изучать*), на основании анализа и обобщения (*анализировать, обобщать*), **делаются выводы (делать выводы)**, трактовать, можно предположить (*предполагать*), их классификации (*классифицировать*), могут быть разделены (*разделять*), мы имеем в виду (*иметь в виду*), можно выделить три типа (*выделять типы*) и др. (по тексту).

Кроме того, в приведенных примерах из теоретического текста даётся методологическая информация относительно развёртываемых понятий, в частности, посредством слов широкой семантики типа анализ, обобщение, структура, функция, родовое понятие, видовое понятие, изоморфные признаки, многопризнаковые величины, классификация, построение и др., т.е. номинаций форм знания, методов, способов, приёмов познавательной

деятельности и т.д. – всего того, что образует научно-познавательный аппарат. Относительно аксиологической стороны рассматриваемых автором понятий легко заметить, что во всех отрывках родчёркивается гипотетичность понятий грамматическая категория, морфологическая категория и др.

„Голограмма” понятия соотносится нами также и с понятием в статике, как бы в „застывшей” форме, как результатом, имеющим место вне процесса познания, т.е. как готовым продуктом познавательной деятельности. Вместе с тем важно отметить, что трёхмерность (триединство онтологического, методологического и аксиологического аспектов знания) понятия как „кванта” знания характерна и для этого вида „голограммы” понятия. Приведём несколько отрывков из целого текста, репрезентирующих частично развёрнутую „голограмму” концептуального понятия. Здесь представлены различные эпистемические (методологические и аксиологические) характеристики предмета рассмотрения, хотя и не в динамике самой познавательной деятельности.

1. „Настоящая работа посвящена некоторым *актуальным и малоразработанным* теоретическим и практическим *аспектам грамматического описания словообразовательной системы современного русского языка...*”.

2. „... словообразовательную систему целесообразно определять прежде всего как систему взаимодействующих словообразовательных типов”.

3. „*Вопрос* о границах словообразовательной системы как системы словообразовательных типов относится к дискуссионным”.

4. „Эта мысль получила дальнейшее развитие в трудах Н. Д. Арутюновой, *полагающей*, что к словообразовательной системе языка, строго говоря, относятся лишь продуктивные словообразовательные типы...”

5. „Вместе с тем *не подлежит сомнению*, что продуктивные типы составляют центр словообразовательной системы, непродуктивные относятся к её периферии” (Бондарко 1976).

Номинация *словообразовательная система современного русского языка* эксплицирует концептуальное знание, поскольку она дана в контексте аксиологической информации, констатирующей недостаточную достоверность знания (*актуальным и малоразработанным аспектам*), познавательный аналитический подход, ориентир (*грамматического описания*). В этих примерах особый интерес представляют средства выражения аксиологической оценки. Несмотря на вариативность не только средств выражения, но и семантики оценки (в первом отрывке –

недостоверность, необходимость, во втором – недостоверность, возможность, в третьем – недостоверность, предположительность, в четвёртом – недостоверность, предположительность, в пятом – достоверность, уверенность), сохраняется инвариант аксиологической характеристики – ‘относительность, недостоверность’ концепта и входящих в его состав понятий. Этот инвариант реализован в последнем случае, поскольку уверенность в достоверности утверждения относительно познавательной ситуации сопутствует изложению собственной авторской позиции. Важно, что уверенность в достоверности имеет ярко выраженную коммуникативно-психологическую установку привлечь внимание читателя, благодаря силе своей убеждённости не дать усомниться в ценности концепции. Этот необходимый коммуникативно-психологический эффект учитывается риторикой устной, особенно ораторской, речи, вместе с тем он присущ и письменной научной речи. Как уже выявлено многими исследователями, средства со значением позитивной оценочности наиболее широко используются авторами при изложении именно своей концепции.

Учитывая протяжённость целого произведения, отметим, что существенные эпистемические характеристики сообщаются читателю в начале текста и акцентируют тем самым значимость основного понятия–концепта. Аксиологическая и методологическая квалификация этого концепта накладывает отпечаток и на частные понятия, входящие в его состав. Отсюда ясно, что **понимание**, т.е. осмысление глубинного содержания теоретического текста (действительно в качестве научного знания в его трёхмерности, „голографичности”) возможно лишь при восприятии текста „от начала до конца”, поскольку структура знания как готового продукта („голограмма”) и знания, развёрнутого в линейном тексте, не изоморфна.

Таким образом, в теоретических текстах новое знание репрезентируется посредством системы терминированных концептуальных понятий. С одной стороны, это знание предстаёт перед читателем как цельный (трёхмерный) эпистемический феномен – в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов. С другой – именно трёхмерность, „голографичность” знания является основным структурным принципом одной из сущностных, латентных, связанных с авторским замыслом категорий – цельности смысла текста. Авторский замысел в его цельности, несомненно, охватывает и формирует всю семантико-функцио-

нально-прагматическую перспективу текста, а также соответственно и текстовую ткань, её речевую системность.

Литература

- Бондарко А. В., 1976, *Теория морфологических категорий*, Ленинград.
- Васильева А. Н., 1976, *Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи*, Москва.
- Гончаров В. С., 1981, *Психологические особенности связи поиска решения задач с типом мышления*: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук, Москва.
- Давыдов В. В., 1986, *Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального исследования*, Москва.
- Данилевская Н. В., 1992, *Вариативные повторы как средство развёртывания научного текста*, Пермь.
- Залевская А. А., 1985, *Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности. – Исследование речевого мышления в психолингвистике*, Москва.
- Кожина М. Н., 1970, *О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими*, Пермь.
- Кожина М. Н., 1992, *Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте*, „Stylistyka” I, с. 39.
- Кожина М. Н., 1996, *Аспекты изучения стереотипности научного текста как одной из сторон текстовой деятельности. – Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного*, Москва.
- Кольер Р., Беркхарт К., Лин Л., 1973, *Оптическая голография*, Москва.
- Котюрова М. П., 1988, *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект)*, Красноярск.
- Павлов И. П., 1949, *Избранные произведения*, Москва.
- Прибрам К., 1975, *Языки мозга*, Москва.
- Семенов И. Н., 1992, *Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления*: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук, Москва.
- Холодная М. А., 1990, *Структурная организация индивидуального интеллекта*: Автореф. дисс. докт. психол. наук, Москва.
- Холодная М. А., 1992, *Когнитивные стили и интеллектуальные способности*, „Психологический журнал”, т. 13, № 3, Москва.